

ПРИТЧИ
И БАЙКИ
СОВЕТСКОЙ
ЭПОХИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 159.9
ББК 88.37
Б79

**Инна Макарова
Рина Зеленая
Фаина Раневская
Юрий Никулин
Илья Ильф и Евгений Петров
Леонид Филатов**

Б79 Притчи и байки советской эпохи. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 480 с. — (Подарочная книга на века).

ISBN 978-5-17-101325-7.

Что объединяет этих, казалось бы, разных творческих личностей: Георгия Милляра, Леонида Филатова, Рину Зеленую, Фаину Раневскую, Юрия Никулина, Инну Макарову, Илью Ильфа и Евгения Петрова?

Остроумие — вот, пожалуй, главная черта, которая им присуща. Тонко подмечать веяния времени, чутко чувствовать суть человека, точно обозначать явления, происходящие в обществе, и ярко, метко, ёмко излагать свои мысли — такими качествами могут обладать только очень талантливые люди, настоящие гении. Так давайте читать воспоминания, произведения, цитаты и афоризмы, собранные в этой книге, — и смеяться. Даже если смех будет сквозь слезы.

**УДК 159.9
ББК 88.37**

12+

Литературно-художественное издание

ПРИТЧИ И БАЙКИ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Редактор *Е. Королева*
Корректор *А. Арацкая*
Технический редактор *Т. Тимошина*
Дизайнер обложки *А. Воробьев*
Компьютерная верстка *А. Кирилина*

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

Подписано в печать 09.11.2016. Формат 60×90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 30,0.
Тираж 2000 экз. Заказ №

ООО «Издательство АСТ»
129085, РФ, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 3, комната 5
Наш электронный адрес: www.ast.ru E-mail: astpub@aha.ru

ISBN 978-5-17-101325-7.

© ООО «Издательство АСТ»

Предисловие. Остроумие – страшная сила

Что объединяет этих, казалось бы, разных творческих личностей: Георгия Милляра, Леонида Филатова, Рину Зеленую, Фаину Раневскую, Юрия Никулина, Инну Макарову, Илью Ильфа и Евгения Петрова?

Остроумие – вот, пожалуй, главная черта, которая им присуща. Тонко подмечать веяния времени, чутко чувствовать суть человека, точно обозначать явления, происходящие в обществе, и ярко, метко, ёмко излагать свои мысли – такими качествами могут обладать только очень талантливые люди, настоящие гении. Недаром остроумие считается высочайшим достоинством интеллекта. Судите сами.

Афоризмы из произведений Ильфа и Петрова литературные критики называют квинтэссенцией тонкой самоиронии, язвительности и мудрости с налетом насмешки. Чуть ли не каждая фраза из их романов стала крылатой. А Остап Бендер занимает почетное место на пьедестале литературных героев, ставших классикой советской сатиры. Кстати, как ни парадоксально, но уже в конце 1950-х годов книги писателей стали своего рода «цитатником» антисоветчиков, которые считали, что герои Ильфа и Петрова практически не скрывают своего насмешливого отношения к пустозвонию – агитационным установкам, партийным лозунгам, оценкам «основоположников марксизма-ленинизма».

Остроумие Раневской сравнивали с рефлексом – такое оно было непроизвольное. Да актриса никогда и не стеснялась в выражениях. Попадись один раз на острый язычок Раневской – и считай, что ярлык прикреплялся намертво. Но и дружить она умела щедро, о чем говорят ее воспоминания о самых известных людях той эпохи: Анне Ахматовой, с которой Раневская вместе пережила эвакуацию, Ростиславе Плятте, Ольге Аросевой.

И непревзойденная звезда в ролях Кощея, Черта, Бабы Яги, Чуда-Юда Георгий Милляр тоже был известен своими колкими фразами не меньше Фаины Раневской, а по хулиганистости порой ее превосходил. Он придумывал фривольные стишки, отпускал дерзкие реплики, в роли Бабы Яги позволял прямо на сцене неприличные жесты. А чего стоит его знаменитый матерный «Алфавит» – литературный шедевр, который многие в советские годы переписывали от руки. Без стеснения Милляр сам себя называл «Стариком Похабычем» за свои дурачества.

Еще одна конкурентка Раневской по пикантным репликам – Рина Зеленая, хорошо известная своими ролями в фильмах «Весна», «Девушка без адреса», «Дайте жалобную книгу», «Приключения Буратино», «Шерлок Холмс и доктор Ватсон». Именно благодаря ее метким словечкам она и стала настоящей королевой эпизода. Ее талантом восхищались знаменитые артисты и писатели, с которыми ее свела судьба, — Ростислав Плятт, Любовь Орлова, Зиновий Гердт, Леонид Утесов, Майя Плисецкая, Агния Барто, Борис Заходер, Корней Чуковский. О них она рассказывает с юмором и добротой.

Необыкновенным умом и красотой сразила членов экзаменационной комиссии ВГИКа сибирячка Инна Макарова, которая с детства мечтала стать актрисой. По окончании учебы в мастерской известного режиссера Сергея Герасимова Макарова получает одну из главных ролей в фильме «Молодая гвардия» и мгновенно становится знаменитой. Ее замечают известные режиссеры. На экранах одна за другой появляются картины, в которых талант актрисы раскрывается во всем многообразии: «Высота», «Дорогой мой человек», «Девчата», «Женитьба Бальзамина», «Женщины», «Пошехонская старина»... Она играет вместе с Рыбниковым, Баталовым, Мордюковой, Румянцевой, Видиным, Гурченко. А рядом работал ее первый муж – талантливый режиссер Сергей Бондарчук, который не меньше Герасимова восхищался обаянием и мудростью одаренной женщины.

Известный остряк Леонид Филатов – автор разобранной на цитаты и анекдоты сказки «Про Федота-стрельца, удалого молодца», которую по праву можно назвать классикой русской литературы. И другие пьесы и стихотворения народного артиста Российской Федерации полны сатиры, озорства, иронии. Только этим «оружием» он мог бороться с несправедливостью, сталкиваясь с которой мог стать резким, колючим, жестким, максимально точно характеризуя факты, события, человека, которые ему не нравились. Друзья сравнива-

ли Филатова с камертоном, по которому проверялась нравственная оценка действий и поступков любого человека – от «удалого молодца» до «царя».

И, конечно, блещет остроловием великолепный клоун Юрий Никулин. Несмотря на то, что его биография полна трагичных моментов и триумфальных взлетов, рассказывает он о себе, как всегда, с иронией, шутками, тепло вспоминая всех тех, кто шел с ним вместе по жизни: родных и знакомых, знаменитых и неизвестных, лучших и непризнанных. И, конечно, режиссера-комедиографа Леонида Гайдая, который первым использовал клоунский талант Никулина, предложив ему роль Балбеса в фильме «Пес Барбос и необычный кросс». А вскоре великолепная тройца — Трус, Балбес и Бывалый — так полюбилась публике, что про них стали сочинять анекдоты. «Слышать смех — радость, — любил говорить Никулин. — Вызвать смех — гордость для меня».

Так давайте читать воспоминания, произведения, цитаты и афоризмы, собранные в этой книге, — и смеяться. Даже если смех будет сквозь слезы.ке, что про них стали сочинять анекдоты. «Слышать смех — радость, — любил говорить Никулин. — Вызвать смех — гордость для меня».

Так давайте читать воспоминания, произведения, цитаты и афоризмы, собранные в этой книге, — и смеяться. Даже если смех будет сквозь слезы.

Инна Макарова

Мечта ребенка

Трудно сказать, что наталкивает людей на выбор профессии. Призвание? Окружение? Случай?

Иногда всё вместе, иногда что-то одно. Первое мое осознанное движение к будущей профессии произошло в Новосибирске, в четвертом классе.

Зимой, когда идешь в школу, совсем темно, все завалено снегом, а в классе тепло, и сразу же, отогревшись, начинаешь клевать носом. На первом уроке, пока в окнах еще темно, ребята сонные, сидят спокойно. И каждое новое утро похоже на вчерашнее. Но одно утро я запомнила на всю жизнь.

Директором нашей школы был Алексей Александрович Попровский, учитель географии. Человек уже немолодой, увлеченный, как я теперь понимаю, своей высокой миссией воспитателя, а кроме того — учитель, который сумел привить ученикам любовь к своему предмету на всю жизнь.

Так вот, однажды на первом уроке открывается дверь, входит директор и ведет за руку нашего одноклассника, десятилетнего Мирошу Бучина. Мироша одет в нарядный бархатный костюм с большим белым бантом на груди. У нас от такого великолепия рты пораскрывались. Но самое грандиозное было впереди. Алексей Александрович, извинившись перед учителем, обратился к нам со словами, которые звучали для нас как сказка, как чудо. Мироша только что вернулся из Москвы, куда его возили на смотр юных талантов. И там он занял первое место за чтение басни и еще чего-то! И в доказательство Алексей Александрович показал нам роскошную грамоту.

А я-то и не заметила, что Мироша уезжал! Как это бывает, живешь своей жизнью, смотришь себе на валенки утром и вечером, когда идешь в школу и из школы, тянешь свой портфель по снегу, ленишься помаленьку и не видишь, что вокруг делается. Люди-то на что способны! И не кто-нибудь, а вот наш Мироша Бучин!

Алексей Александрович рассказал нам про Демосфена. Про его силу воли, как он учился ораторскому искусству, имея физический

недостаток: у него дергалось плечо. И чтобы плечо не подергивалось во время речи, Демосфен подвешивал меч острием вниз: когда плечо дергалось, меч колол его. Благодаря своему упорству Демосфен избавился от недостатка и стал великим оратором.

Так и наш Мироша! Талантом, а еще больше трудом, силой воли и упорством добился он такого почета! Алексей Александрович призывал нас не лениться, не спать на уроках, учиться хорошо, всего добиваться! Я помню его вдохновенную позу, наш Алексей Александрович был действительно взволнован.

Потом он взял Мирошу за руку и повел в следующий класс, чтобы все знали и сами убедились в Мирошиных успехах, предоставив каждому из нас переваривать все виденное и слышанное по собственному усмотрению.

Вот это да! А что же я-то? Сижу и зарываю талант в землю. Ведь у меня тоже есть кое-какой сценический опыт. Дело в том, что несколько раз меня возили в Мариинск. Там был большой дом с высоким крыльцом недалеко от соборной площади, где по утрам шумел базар и весело звонили колокола торжественной белой церкви. Очень интересно было заглядывать в ее мерцающую, пахнущую воском темноту.

За нашими огородами и просторной баней еще чьи-то огороды, потом поле и золотосная река Кия с прекрасными песчаными берегами и пляжами, славившимися по всей Сибири.

В большом доме жили мои бабушка и дедушка по отцу. Летом к ним съезжались взрослые сыновья и дочери с детьми. Приезжали погостить и мы с сестренкой, иногда с папой и мамой. У дедушки — Степана Родионовича — была оборудована в проходной комнате мастерская. Переселившийся с братом в Сибирь на «земли» из Вятской губернии еще в конце XIX века, дедушка продолжал традицию знаменитых гармонных мастеров. Поэтому по всему дому разносились короткие музыкальные звуки настраиваемой гармони. У деда был прекрасный слух. Из Тисуля, с золотых приисков, ехали люди за музыкой к Степану Родионовичу. Кроме гармони дедушка прекрасно играл на гитаре и мандолине, эти инструменты всегда висели у него на стене в мастерской.

Если бы сейчас искали у нас для съемки доброго дедушку, то мой был бы уже и одет как надо. Я помню его в синей в белый горошек косоворотке, подпоясанной тоненьким ремешком. Дедушка носил очки в металлической оправе.

Именно здесь, на высоком крыльце дедушкиного дома, я и дала свое первое представление. Было мне тогда лет шесть, но я уже побывала в нашем новосибирском ТЮЗе. Видела Дон Кихота, которого играл мой однофамилец, тогда еще совсем юный Василий Макаров, видела пьесу «Клад».

Задача была одна: собрать, усадить, а потом удержать зрителя на местах любыми средствами. Правда, спешить людям было некуда, но попытки к бегству наметились еще до начала представления.

Помогали мне двоюродные сестрички и братишка Боб. Крыльцо выходило не на улицу, а во двор. Стулья выносились из дома и ставились перед крыльцом, и сидели на них почти все взрослые обитатели дома. А народ у нас был театральный.

О папе и маме говорить нечего — они работали в новосибирском радиокомитете, были литераторами, и наша семья даже жила в так называемом писательском доме.

Мама — Анна Ивановна Герман — была литературным редактором и собкором, работала заведующей литчастью в ТЮЗе, а потом в «Красном факеле», знаменитом сибирском театре.

Папа — Владимир Степанович Макаров, обладавший редким по тембру голосом, был диктором. Публиковались его поэмы, стихи. В 1934 году он стал членом Союза писателей. Я храню его билет с факсимиле Максима Горького.

Один дядя был неплохой художник, любимая изящная тетя Аня, тогда еще совсем молодой врач, была театральной, а самый старший из братьев Макаровых, дядя Петя, очень высокий, с «чеховской» бородкой, впоследствии очень напоминавший мне Станиславского в роли Астрова, долгое время руководил драматическим коллективом на прииске Бериккуль. Так что было перед кем показаться.

Собрали мы порядочную аудиторию. Давалась пьеса, вернее фрагмент из пьесы, «Клад». На крыльцо я затащила огромный куст полыни, за который пряталась. Когда началось действие, одна из девочек крикнула: «Птаха, ты где?» Я из-за полыни кричала: «Ау, я здесь!» И так несколько раз, пока в первом ряду на стуле не остался один дедушка по причине безмерной своей доброты.

Но лиха беда начало. Я поняла, что одним «искусством» неблагодарную публику не удержишь, нужен буфет! Решение было принято. Из ягод мы сделали морс. Как известно, в буфетах из напитков ничего вкуснее лимонада или, на худой конец, морса нет. В огороде мы нарвали репы, огурцов, моркови и тоже — в буфет.

Самое главное было написать цену на все, а писать мы уже умели, и объявление, что в такой-то день и час будет концерт с буфетом уже не на крыльце, а у амбара, там можно было открывать и закрывать ворота, как занавес. И стулья устанавливались перед этим «занавесом».

Вначале зрителям предлагалось зайти в буфет, где мы довольно бойко торговали, так как папа и его молодые братья просто откупались от нас пятаками и убегали.

Первые два номера были нам известны: открывая концерт, я читала стихотворение, затем я танцевала матросский танец «Яблочко». Остальная программа составлялась по ходу дела. Как всегда, не хватило одного дня для общего прогона. Собственно, ни одного прогона не было. Мы слишком были увлечены организационной частью. Я объявила следующий номер — «балет с пением». И шепотом быстро объяснила девочкам, что надо делать. Открыли занавес — и пожалуйста: «Где выются над озером лозы, где яркое солнце печет, танцуют и пляшут стрекозы, веселый ведут хоровод!...»

Задача моя была махать руками, изображая стрекозу, петь и еще держать своих партнеров, чтобы они не убегали со сцены из-за незнания текста и того, что надо делать. Когда закрылись, а потом снова открылись ворота, я увидела на скамейке четырехлетнего Боба, которого мы за бестолковость вытолкнули из-за кулис в самом начале концерта. Даже терпеливый дедушка не выдержал наших длительных закрываний и открываний занавеса. Не от искусства же он сбегал в самом-то деле!

Все это я вспомнила после сообщения директора о грандиозном успехе нашего одноклассника. Ах, как взбодорожил Алексей Александрович в то памятное утро все мои творческие силы, дремавшие вместе со мной на уроках!

Результатом этого неожиданного успеха Мироши было создание в нашей школе драматического кружка. И первой моей ролью, сыгранной на сцене, была бессловесная роль поповны в инсценировке «Сказки о попе и о работнике его Балде», поставленной к пушкинским дням. Меня очень беспокоил кокошник на голове, я все боялась, как бы он не свалился на одно ухо, потом на другое, когда поповна печалилась.

Потом мне дали уже ответственную роль девчонки Паньки в пьесе «Кухаркины дети», эту пьеску мы показывали где-то на смотре (видно, нас упорно продвигали по лестнице славы!).

Перед этим ответственным смотром, решив, что раз мы очень волнуемся, то надо выпить валерьянки, мы с девочками тайно забрались в буфетный закуток. Имея смутное представление о том, как пьют валерьянку, я на всякий случай хлебнула четверть стакана — чтобы лучше подействовала. Очень подозрительно приглядывалась, почти принюхивалась к нам буфетчица, когда мы с большим достоинством проходили мимо нее.

Но ни о каком успокоении и речи быть не могло. Наоборот, я ошалела — и на спектакле с таким самозабвением и грохотом была по ходу действия посуду, что после этого показа в школе за мной прочно утвердилось — «артистка»!

Тупик Потанинской улицы, где мы тогда жили, был необычайно интересным для меня местом. От центра города нашу улицу отделял глубокий овраг, вдоль которого стояли дома; с двух его сторон, постепенно сужаясь, тоже стояли дома, образуя большой треугольник, поросший травой, машины туда почти не заезжали, и улицей целиком владели ребята. Недалеко от нашей улицы было старое заброшенное татарское кладбище — место наших постоянных игр, а еще дальше — большое действующее кладбище с церковью. Здесь, под молодыми березами, вскоре пришлось хоронить моего тридцатичетырехлетнего отца. Пустяк — крошка попала не в то горло, острый абсцесс, а затем гангрена, омертвление легкого. Случилось это в Улан-Удэ. Папа был в командировке, участвовал в создании радиокомитета. Во время строительных работ он уже вещал на радио. Был автором, редактором и диктором. Приехал домой тяжелобольным. Помню, как бросилась к нему, когда он вошел. Помню его в больнице, он был в сознании, даже пытался улыбнуться. Когда мы ушли, через 15 минут его не стало. Тогда еще не было антибиотиков и современной хирургии. Уже в наше время мой муж Михаил Перельман делал много таких операций, и люди продолжали жить...

Дел летом было по горло. Утром — полить свои георгины и астры. Бабушка Ирина Самсоновна всегда выделяла нам с сестрой по грядке, чтобы мы сами за ними ухаживали. Увлечение это осталось на всю жизнь. В школе я всегда была в юннатских кружках. До посинения переливала в школьных аквариумах с обычными пескарями ледяную воду, даже записалась в цветоводческий кружок Детской технической станции. Но на посещение ее времени не хватало. Увлечение театром оказалось сильнее.

Летом, если мы не уезжали куда-нибудь, то пропадали на улице. Любимыми играми были «сыщики-разбойники» и лапта. Но главная игра — в театр. Опять забота о зрителе, если его не было, я играла для двух-трех девочек. Больше всего я любила убежать в огороды и на меже, между двумя участками, где воздух напоен резким запахом помидорной и картофельной ботвы, паслена, изображала любимого героя из репертуара ТЮЗа.

Новосибирский ТЮЗ был создан учениками знаменитого тогда режиссера Брянцева — Е. Агароновой и Н. Михайловым, приехавшими из Ленинграда.

Если в ТЮЗе шла «Красная Шапочка» с чудесной З. Булгаковой, я долго потом прыгала и изображала зайца. Если «Синяя птица», я училась лаять, потому что больше всех персонажей любила Пса за его доброту и верность. В спектакле «Шел солдат с фронта» мне очень нравилась роль Любаши, которая по ходу действия сходила с ума. Однажды в лопухах я проиграла перед девочками эту Любашу, текст сочиняла на ходу, говорила, что придет в голову, и никак не могла остановиться. Одна из девочек, с опаской подойдя ко мне, сказала: «Ты так хохотала, так хохотала... Простой сумасшедшая!»

На следующий год после кончины папы мама поступила в Литературный институт на заочное отделение. Каждую весну она ездила в Москву на сессию. Адрес — Тверской бульвар, 25, Литературный институт им. Горького — помню с детства. В 1940 году мама окончила Литературный институт, а осенью вышел ее роман «Возвращение». И когда я бывала в Сибири, ко мне всегда подходили ее читатели...

Одно из самых красивых зданий Новосибирска — Дом Ленина. В саду за этим зданием есть памятник — из гранитной скалы вздымается рука с факелом. Воздвигнут памятник подпольщикам Ново-Николаевска — так прежде назывался Новосибирск — героям революции, расстрелянным в декабре девятнадцатого года отступавшими колчаковцами. Построен дом после смерти Ленина на средства жителей города. Тогда были выпущены билеты стоимостью, равной стоимости одного кирпича, и так, буквально по кирпичику, был выстроен дом, в котором позднее разместились радиокомитет, Театр юного зрителя и Дом художественного воспитания детей. В ДХВД были разные кружки, в числе других — два драматических. Приемные экзамены — их надо было держать, как при поступлении в настоящее театральное учебное заведение, — проходили осенью.

И вот однажды я решила туда пойти. Меня прослушали и неожиданно включили в состав старшей группы, хотя по годам я должна была заниматься в младшей.

В этой группе занимались совсем взрослые юноши и девушки. Руководила ею Валентина Викторовна Петухова. Талантливая актриса, много игравшая на сценах Томска. Уйдя с профессиональной сцены, она вела драматический кружок, оказавшись вдохновенным и энергичным педагогом.

Мы занимались в большом зале с высокими окнами, сценой, с палками вдоль стен — станками для занятий хореографией. Да, у нас были и танец, и ритмика. И, главное, занятия по мастерству. Сколько было разговоров о Станиславском, о нашем русском театре. Мы любили этот мир репетиций, мир литературы и музыки. Мы играли в нашей студии Лермонтова, Островского, Гольдони, Мольера, Шекспира.

В кружке уже были свои традиции, рассказывали о старших кружковцах, которых я не застала, так как они поступили в столичные театральные институты. Эти ребята вошли уже в иную, взрослую, жизнь.

Какое счастье было вечером бежать в нашу студию. В валенках, в ушанке, а поверх бабушка заворачивала меня в огромную шаль, оставляя маленькую щелочку для глаз. А под шалью, на груди — книжка и тетрадка с ролью. И невозможно было пропустить ни одной репетиции: казалось, пропущу все самое главное, лучшее в жизни... И я бежала по темным, заваленным сугробами улицам в студию. Ах, как я хотела играть по-серьезному, по-настоящему!

На распределение ролей «Двенадцатой ночи» пришли почти все кружковцы. Какими они представлялись мне опытными, умными, блестящими артистами! Если среди взрослых людей разница в четыре-пять лет не очень заметна, то когда тебе тринадцать и все старше тебя, их авторитет завораживает.

Валентина Викторовна зачитывает состав исполнителей.

Себастьян — Борис Сухов. Конечно же, он! Стройный, светловолосый, интеллигентный. Он уже играл Ромео. Мальволио — Дима Мелик, легкий в движениях, хотя и плотноватый, с умными, темными, озорными глазами. Сэр Эгюйчик — Марат Бондаренко-Стольниц, сэр Тоби — Изя Зильберштейн. Шут — очень важная и трудная роль — Леня Чевашев. Виола — Нина Мамаева. Конечно, кто же еще! Нина сыграла в кружке уже несколько ролей. Она была звездой